

РЕЛИГИЯ ФИНИКИЙЯН¹⁾.

1.

Два совершенно противоположныя представленія соединяются съ словомъ „финикийяне:“ представленіе о маленькомъ уголку на восточномъ берегу Средиземнаго моря, носившемъ названіе Финикіи, и представленіе о цвѣтущихъ городахъ и колоніяхъ по островамъ и берегамъ всего Средиземнаго моря, образованныхъ финикийянами. Съ одной стороны мы имѣемъ рядъ небольшихъ городовъ съ неболь-

---

¹⁾ *Литература.* Важнѣйшими пособиями для изученія финикийской религіи являются Sanchoniathonis Berytii quae feruntur fragmenta (изданіе Orelli), затѣмъ свѣдѣнія Филона Беритскаго въ Fragmenta Historicorum Graecorum (изданіе Muller'a Didot), начавшее издаваться съ 1881 г. Corpus inscriptionum semiticarum. Финикийской религіи касаются и клинообразныя записи (изданіе Шрадера). Много о сидонскихъ и тирскихъ культахъ сообщаетъ Библия, и многія узаконенія Ветхаго Завета направлены противъ этихъ культовъ. Капитальное изслѣдованіе, доселѣ не утратившее своей цѣнности и къ нѣкоторымъ изъ возрѣвій котораго нынѣ оставленнымъ еще можетъ быть вериутся, принадлежитъ Movers'у—Die Phönizier. Затѣмъ должны быть названы Renan—Mission de Phénicie, Schröder—Die Phönizische Sprache. Berger—la Phénicie (въ словарѣ Lichtenberger'a) Pietschmann—Geschichte der Phönizier: C.-P.—Tiele—la Religion des Phéniciens (R. H. R. T. III). M. Muller—Asien und Europa nach den altägyptischen—Denkmälern. Baudissin—Studien zur semitischen Religionsgeschichte M. de Vogüé—Souvenirs d'une excursion en Phénicie, Mélanges d'archéologie orientale. Названными авторамъ кромѣ указанныхъ монографій принадлежить еще много статей и изслѣдованій касающихся финикийской религіи. Курсы, сочиненія и авторы указанныя для изученія ассирио-вавилонской и другихъ религій древняго востока въ большей части являются нужными и для изученія финикийской религіи.

шими гаванями, которые должны были постоянно трепетать предъ стремленіями къ захвату египтянъ, ассириянъ, вавилонянъ, персовъ, грековъ, сиріянъ, римлянъ, съ другой стороны мы видимъ смѣлый и предприимчивый народъ, совершавшій отдаленнѣйшія путешествія, устанавливавшій взаимобщеніе и обмѣнъ между отдаленными государствами, передавшій духовную культуру азіатскаго востока европейскому западу.

Ни значеніе слова „Финикія“, ни происхожденіе финикійскаго народа неизвѣстны. Библия финикіянъ древнѣйшей эпохи называетъ сидонянами и производитъ Сидонъ отъ Ханаана (Быт. X, 15). Можетъ быть въ связи съ переселеніемъ Авраама изъ Месопотаміи стоитъ и появленіе хананеянъ и въ частности финикіянъ (сопоставъ Геродота Истор. I, 1) въ Палестинѣ и Сиріи. Въ Египтѣ финикіянъ стали звать „фунъ“ (пѣни, пуни); отсюда, должно полагать, и образовалось путемъ удлинненія слово Финикія, которое греки впоследствии стали сближать и съ пальмою и съ собственнымъ именемъ Феникса. Финикіяне заняли побережье Средиземнаго моря, настроили здѣсь городовъ (самый сѣверный—Арадъ, самый южный—Ако,) въ плодородныхъ и живописныхъ мѣстностяхъ, защищенныхъ отъ враговъ съ суши горами и лѣсами. Финикійскіе города были независимы одинъ отъ другого и нерѣдко даже враждовали между собою. Финикіяне скоро повели всемірную торговлю и рано начали образовывать колоніи и на востокѣ и на западѣ—во всѣхъ трехъ частяхъ древняго міра. Изъ кн. Ис. Нав. (XIII, 6) и Суд. (XVIII, 7—8) видно, что въ эпоху занятія евреями Палестины сидоняне жили въ послѣдней. И повидимому гораздо раньше финикіяне заняли Кипръ. Маршрутъ финикійскихъ расселеній неизвѣстенъ. Нѣкоторые города Финикіи лежали частію на островѣ (Тиръ), нѣкоторые—на островѣ близъ материка (Арвадъ), первую чисто морскою колонією ихъ былъ Критъ (одни сутки пути отъ Финикіи), затѣмъ, они, должно быть, поднялись къ Малой Азіи, изъ острововъ Эгейскаго моря, прежде всего заняли Родосъ и затѣмъ постепенно заселяли острова и берега восточной части Средиземнаго моря. Несомнѣнно, они рано дошли и до Гибралтара, проникли и на острова бриттовъ (слѣдовъ финикійскихъ поселеній однако на нихъ не найдено), но вообще въ

періодъ времени, для начала котораго трудно поставить точную дату (приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х.), финикійскія колоніи процвѣтали на востокѣ Средиземнаго моря, а затѣмъ начался разцвѣтъ финикійскихъ колоній на западѣ. На востокѣ преобладающее а затѣмъ въ сущности и исключительное значеніе приобрѣли греки. Несомнѣнно, что на первыхъ ступеняхъ своего духовнаго развитія греки много позаимствовали отъ финикіянь. Въ греческомъ языкѣ указываютъ не мало словъ, а вмѣстѣ и понятій финикійскаго происхожденія. Полярная звѣзда, по которой финикіяне ориентировались въ своихъ плаваніяхъ, у грековъ получала названіе *φοίνικη*, названіе золота *χρυσός*, полагають произошло отъ *ϕοίνιξ*, указываютъ еще рядъ словъ въ греческомъ языкѣ, обозначающихъ продукты культуры, игры, профессіи, будто бы финикійскаго происхожденія. Нѣкоторыя греческія сказанія (наприм., о Кадмѣ) указываютъ финикійскихъ основателей для греческихъ городовъ, но большинство современныхъ ученыхъ отрицаетъ историческую основу этихъ сказаній. Дѣйствительно, въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ Греціи финикіяне представляются не какъ культуртрегеры, а какъ очень недоброй памяти люди. Въ Одиссеѣ Гомера они именуются людьми крайне хитрыми—*πολυπαιπαλοι*, искусными въ обманѣ—*ἀπατήλια εἰδότες*, эксплуататорами—*τροχταί*, причиняющими много бѣдъ людямъ (о финикіянинѣ *ὄς δὴ πολλὰ καὶ ἀνθρώποισιν ἐβόρει* Од. XIV, 289, ср. Од. XV, 415—484). Во всякомъ случаѣ, когда греки утвердились въ Пелопонессѣ, Малой Азіи и на островахъ они скоро и рѣшительно отгнѣснили финикіянь, число которыхъ здѣсь было незначительно и которые повидимому въ заботѣ о своихъ торговыхъ предпріятіяхъ не имѣли въ виду играть здѣсь политической роли. Однако нужно было искать мѣста, факторіи, гдѣ бы они могли дѣйствовать, какъ полноправные хозяева, финикіяне и стали заводить колоніи на Сициліи, Сардиніи, Корсикѣ, въ южной Европѣ и сѣвѣрной Африкѣ. Въ ряду этихъ колоній скоро выдвинулся Карфагенъ (греч. *Καρχηδών*, лат. Carthago представляетъ собою транскрипцію семитическаго Karthhadashath) — новый городъ (Новгородъ), названіе многихъ городовъ въ древности. Карфагенъ былъ основанъ выходцами изъ Тира, и, достигнувъ высокой степени могущества и процвѣтанія, онъ не

забывалъ о своей связи съ своимъ материнскимъ городомъ и ежегодно отправлялъ туда посольства съ десятиною на храмъ Мелькарта. Кареагенъ за время своего существованія выдержалъ два періода борьбы—съ греками стремившимися упрочиться въ западныхъ областяхъ Средиземнаго моря, и съ римлянами стремившимися ко всемірному господству. Изъ первой онъ вышелъ съ честію, вторая кончилась его страшною гибелью. Въ 146 г. до Р. Х. Кареагенъ былъ разрушенъ и на его мѣсто наложено проклятіе. Должно однако замѣтить, что эта трагическая гибель не была послѣднимъ моментомъ въ исторіи борьбы между семитами и арійцами на сѣверѣ Африки. Восемь столѣтій спустя побѣдныя знамена арабовъ были водружены на мѣстѣ прежнихъ финикійскихъ колоній. Финикійская метрополія окончила свое самостоятельное существованіе значительно раньше Кареагена. Въ началѣ повидимому финикійскія владѣнія простирались къ югу значительно далѣе Ака (Акка Птолемаида, Яффа), и города Аскалонъ и Газа были финикійскими, филистимляне оттѣснили финикіянь къ сѣверу. Дальнѣйшая исторія Финикии распадается на двѣ эпохи Сидонскую и Тирскую. Границу между этими двумя событіями полагаютъ повидимому переселенія съ Крита филистимлянь и евреевъ изъ Египта въ Палестину. До этихъ событій господствовалъ Сидонъ, послѣ—Тиръ. Въ сидонскую эпоху финикіяне, какъ это показываетъ тельэльмарнская переписка, бывали въ вассальной зависимости отъ египтянь. Ленорманъ въ своей исторіи, сопоставляя свидѣтельства египетскихъ памятниковъ о морскихъ предпріятіяхъ египтянь съ свидѣтельствами о распространеніи финикійскихъ колоній, приходитъ къ заключенію, что египтяне въ своихъ путешествіяхъ и морскихъ сношеніяхъ пользовались финикійскимъ флотомъ. Тутмесъ III имѣлъ сношенія съ Кипромъ, Критомъ, Архипелагомъ, съ западнымъ побережьемъ Африки, можетъ быть съ Южною Италіею и побережьемъ Чернаго моря. Сами египтяне не имѣли любви и склонности къ мореплаванію. Поименованныя мѣстности суть тѣ, съ которыми имѣли сношенія и въ которыхъ образовывали колоніи финикіяне. Естественно предположить, что финикіяне возили туда и египтянь. Фараоны XVIII династіи предпринимали путешествія по Красному морю въ южную Аравію и можетъ

быть до Индіи. Путешествія по Красному морю трудны и опасны, они могли быть совершаемы лишь опытными моряками, такими и являлись въ эту эпоху финикіяне, какъ такими они были и въ эпоху Хирамовъ и Соломона. Появленіе въ Палестинѣ филистимлянъ и особенно евреевъ перемѣстило центръ политической жизни финикіянъ изъ Сидона въ Тиръ. Сидонъ несравненно доступнѣе для нападений, чѣмъ Тиръ. Сидонъ расположенъ на сушѣ, и его естественная защита не особенно сильна, Тиръ расположенъ на материкѣ и островѣ и въ случаѣ опасности жители изъ перваго легко могли переходить на второй. Въ эпоху господства Тира финикіяне долго были совершенно самостоятельны. Это—эпоха полнѣйшаго разцвѣта Финикіи. Съ нею совпадаетъ—позже начавшаяся и раньше кончившаяся—эпоха политическаго разцвѣта израиля. Враги израильтянъ были врагами и финикіянъ. Ассиріяне, положившіе конецъ существованію израильскаго царства, стремились къ подчиненію и Финикіи. Тиръ долго держался въ этой борьбѣ и отдѣльвался отъ осадъ легкою данью. Много должно быть вредило ему то, что другіе финикійскіе города дѣйствовали противъ него въ союзѣ съ его врагами. Вѣроятно причиною этого была зависть къ его могуществу и богатству. Послѣ паденія Ассиріи возвысился Вавилонъ, и финикійскіе города подчинились господству Халдеи. Подчинился ему и Тиръ, хотя и продолжалъ управляться собственными царями. Съ эпохи Кира господство Вавилона смѣнилось господствомъ персовъ. Финикіяне безъ сопротивленія приняли перемѣну одного ярма на другое. Только, когда Камбизъ, совершивъ походъ въ Египетъ, хотѣлъ двинуться на Карѳагенъ, финикіяне отказались везти его войска. Карѳагеняне остались совершенно свободными. Но все-таки персидскіе цари пытались разсматривать Карѳагенъ, какъ обязанный имъ повиноваться. Такъ карѳагенянамъ были отправляемы приказы, что бы они не приносили человѣческихъ жертвъ и не хоронили въ землѣ труповъ. Во время похода Александра М. на Азію Тиръ пытался было оказать ему упорное сопротивленіе, ему оказывали поддержку Самарія и Іудея, но эта поддержка не спасла его, онъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія. На немъ исполнились во всей ихъ ужасною подробності слова библейскихъ пророковъ (Іезек.

XXVI, XXVII, XXVIII). Съ гибелью Финикии и финикийскихъ колоній погибла и финикийская религія.

2.

Съ финикийской религіей прежде всего связывается представленіе о Ваалѣ. Слову Ваальъ усвояютъ значеніе владыка (𐤆𐤀𐤆 не должно смѣшивать съ вавилонскимъ 𐤆𐤀). Существуютъ два противоположныя воззрѣнія на значеніе этого имени. По мнѣнію однихъ Ваальъ есть собственное имя верховнаго божества, различныя проявленія котораго носятъ различныя названія. Ваальъ—беритъ значитъ Ваальъ, охраняющій союзы, Ваальъ-Гермонъ Ваальъ Фегоръ, т. е. Ваальъ горъ Гермона, Фегора. По мнѣнію другихъ (рѣшительный сторонникъ Тиле) Ваальъ, это—название класса боговъ, и различныя Ваалы суть индивидуальныя особи этого класса. Это мнѣніе повидимому имѣетъ для себя основанія и въ Библии. Пророкъ Илія говоритъ о Ваалахъ, какъ множествѣ боговъ (3 цар. XVIII, 18; см. Суд. VIII, 33). Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ, кажется, есть доля правды, но въ существѣ они оба должны быть признаны неправильными. Не существуетъ никакихъ указаній того, чтобы финикияне исповѣдывали единаго Бога. Рядомъ съ Вааломъ у нихъ съ глубокой древности стоятъ другіе боги, не находящіеся по отношенію къ нему ни въ безусловной зависимости, ни въ безусловномъ подчиненіи. Монотеистической должна быть называема только такая религія, въ которой все безусловно существующее представляется происшедшимъ отъ Бога и все безусловно зависитъ отъ него, т. е. можетъ быть имъ уничтожено и можетъ отъ него получить счастье. Въ финикийской религіи генезисъ боговъ и вещей не ясенъ и не опредѣленъ, и боги представляются не осуществляющими единую высшую волю, но могущими и противоборствовать одни другимъ. Финикийская религія не знаетъ Бога творца и вседержителя. Но съ другой стороны подъ Вааломъ она мыслила великаго бога, владыку, управляющаго судьбою людей, солнце. Сравнительное изученіе религій показываетъ намъ, что великіе боги всегда мыслились индивидуальными, а не представляли собою класса или множества. Добрые и злые духи классифицировались. Предполагалось, что ихъ существуетъ безчисленное множество, но великихъ боговъ немного. Вой-

новъ бываетъ тысячи, но полководцевъ очень не много. Вааль былъ одинъ, но съ представленіемъ о немъ у финикіянъ обыкновенно связывалась мысль не о всѣхъ его свойствахъ, а только о нѣкоторыхъ. То онъ мыслился, какъ охранитель союза финикійскихъ городовъ, и тогда именовался Вааль берить, то его представляли какъ властелина небесъ, и тогда его называли Вааль-Шамаимъ, онъ управлялъ теченіемъ солнца, и его называли Вааль-Семель. Каждый городъ, вознося моленія и принося жертвы Ваалу, считалъ себя въ правѣ рассчитывать на его особое благоволеніе, и Тиръ мыслилъ Ваала тирскимъ, и Сидонъ сидонскимъ, Берить-беритскимъ. Легко, конечно, въ представленіи неразвитыхъ людей эти различныя проявленія единого Ваала могли стать различными Ваалами. Отсюда выраженія Библии о Ваалахъ, но рядомъ съ ними обыкновенно встрѣчается и прямо имя Вааль безъ дополненій (см. 3 цар. XVIII, 21, 26). Процессъ дробленія божественныхъ свойствъ и дѣйствій на боговъ очень обыченъ въ различныхъ религіяхъ. Въ ряду различныхъ божествъ произведенныхъ изъ сложена имени Ваала съ другими названіями является Вааль-Танить лицо Ваала. Такое божество было бы не мыслимо, если бы существовали только Ваалы, а не Вааль.

Вааль былъ богомъ природы и исторіи. Тѣ, которые видятъ въ немъ общее наименованіе для извѣстнаго класса боговъ и сближаютъ его имя съ египетскимъ нутерь, греческимъ *Ζεος*, латинскимъ *deus*, санскритскимъ *дева*, персидскимъ *bagha*, упускаютъ изъ вида то обстоятельство, что приводимыя ими, какъ выясняющія, понятія на самомъ дѣлѣ еще далеко не выяснены вполне; неизвѣстно ихъ первоначальное значеніе, и что Вааль извѣстенъ намъ несравненно болѣе. Они хотятъ извѣстное пояснять неизвѣстнымъ. На основаніи одного ветхаго завѣта можно написать обширную монографію о Ваалѣ, о немъ имѣются многочисленныя свидѣтельства классическихъ писателей (собраны у Моверса). Ветхій Завѣтъ противопоставляетъ Ваала Іеговѣ, классическіе писатели противопоставляютъ его Зевесу и Юпитеру. Вааль является богомъ небесъ, богомъ солнца, особенно формою солнечнаго бога является Вааль-Зебувъ. Зебувъ, — это гигантская муха, снабженная убивающимъ жаломъ (символь палящаго солнца). Вааль Цефонъ — богъ сѣвернаго

неба, сѣвернаго вѣтра и сѣверныхъ бурь. Можетъ быть, какъ божество солнца, должно разсматривать и Ваала Гаммона. Гамманимъ—столбы, символы солнечныхъ лучей. Они ставились въ храмахъ, на прим., въ тирскомъ Хирамъ воздвигнулъ ихъ изъ яшмы. Полагаютъ, что столбы *іахинъ* (онъ основываетъ) и *воазъ* (въ немъ сила) поставленные въ іерусалимскомъ храмѣ (3 цар. VII, 21; 2 паралип. 3, 17) были воздвигнуты по финикійскому образцу. Являясь богомъ природы, Вааль вмѣстѣ съ тѣмъ есть богъ судьбы. Онъ почитался, какъ Вааль-Гадъ, т. е. какъ устроитель счастья Вааль-беритъ, такъ сказать богъ финикійскихъ штатовъ. Былъ Вааль Мелькартъ. Мелькартъ сокращеніе словъ Мелекъ Кіріатъ, царь города. Подъ этимъ именемъ преимущественно почитался Вааль въ Тирѣ (имѣются надписи: владыкъ Мелькарту, Ваалу Тирскому) Названіе каждаго финикійскаго города было опредѣляющимъ словомъ при Ваалѣ. Финикійскія собственныя имена обыкновенно теофорны и часто заключаютъ въ себѣ имя Ваала-Адонъвааль, Ваалрамъ, Охливааль (Вааль-господинъ, могуществененъ, палатка). Эти теофорныя имена и мысли въ нихъ заключающіяся, полагаемъ, также указываютъ на индивидуальный характеръ понятія Вааль. Отъ Ваала-Зебува произошло имя Вельзевула и отъ Ваала-Санина или Сана (небесь, солнца) произошло перешедшее во всѣ европейскіе языки слово бальзамъ. Имя Вааль-Vaalim, должно полагать, соотвѣтствуетъ еврейскому *elohim* отвлеченному понятію божества. Обыкновенно Вааль изображался въ видѣ человѣка. Вааль Гаммонъ (съ большою вѣроятностію можно переводить: Вааль палящій) изображался въ видѣ бородатаго спокойно величаваго старца съ бараньими рогами сидящаго на тронѣ, руки его спущены на стоящихъ около него барановъ (см. изображеніе у Perrot'a Т. III р. 73). На Кипрѣ найдена статуя Мелькарта, котораго прежде считали особымъ богомъ, но который несомнѣнно есть тотъ же Вааль. Это-колоссальная статуя въ двѣ сажени вышиною. Мелькартъ представленъ подъ видомъ чудовищеобразнаго человѣка. Руки его страшно мускулисты, грудь и плечи шерстисты, на головѣ коротенькіе рога, борода завита по ассирійски, руками онъ держитъ передъ собою за заднія лапы львицу (см. изображеніе у Lenormant'a, L'Histoire. Т. 6 р. 566).

Подобно имени Ваала въ св. Писаніи часто встрѣчается имя Молоха, какъ божества финикіянъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ (Лев. XVIII, 21; XX, 2; 4 Цар. XXIII, 10). Съ именемъ Молоха ветхій завѣтъ связываетъ представленіе о божествѣ огня, которому приносили на сожженіе дѣтей, а затѣмъ и людей вообще. Раціоналистическая литература выдвинула въ послѣднее время два мнѣнія о Молохѣ взаимно уничтожающія одно другое: по одному мнѣнію Молохъ—общесемитическое божество огня, уничтоженія и разрушенія. Израильскій Іегова въ глубокой древности будто-бы тоже надѣлялся чертами Молоха. Въ подтвержденіе послѣдней мысли приводятъ текстъ изъ Второзаконія: „Господь Богъ Твой есть огонь поядающій, Богъ ревнитель“ (IV, 21 св. Евр. XII, 29). По другому мнѣнію богъ Молохъ существуетъ только въ воображеніи ученыхъ. Молохъ или Мелехъ (𐤌𐤍) значить царь. Ваалы, по Тиле, классъ боговъ, Мелехи или Молохи—высшій видъ или высшая разновидность этого класса. Молохъ-царь боговъ. Само собою понятно, что если Ваалы-не классъ, то и Молохи-не видъ этого класса. Но и независимо отъ теоріи, считающей Вааль именемъ нарицательнымъ, теорія, усвояющая нарицательный характеръ имени Молоха, не можетъ быть принята. Молоху неизмѣнно приписываются качества огня, атрибуты разрушенія. Онъ является съ опредѣленными индивидуальными чертами жестокаго владыки. Онъ не древнѣйшій общесемитическій богъ, потому что въ древнѣйшихъ памятникахъ Халдеи не встрѣчается ему подобнаго. Стремленіе раціоналистовъ видѣть въ Іеговѣ смягченнаго и возвышеннаго Молоха буквально не выдерживаетъ критики. Богъ называется огнемъ поядающимъ во Второзаконіи. По мнѣнію раціоналистовъ эта книга написана позже нѣкоторыхъ монотеистическихъ произведеній пророковъ, гдѣ раскрыто возвышеннѣйшее понятіе о божествѣ. Съ точки зрѣнія раціоналистовъ, люди той партіи, изъ которой вышло второзаконіе, задолго до появленія второзаконія боролись съ человѣческими жертвоприношеніями и съ культомъ Молоха. Какъ же они могли исповѣдать, какъ истину то, противъ чего боролись, какъ противъ ужаснаго заблужденія? Но можетъ быть, если допустить древнее происхожденіе Второзаконія или даннаго отрывка, то тогда раціоналистическая теорія получить для себя серьезное ос-

нованіе? Нисколько. Опреѣленіе Господа, какъ посядающаго огня, стоитъ въ прямой связи съ запрещеніемъ израильтянамъ ставить кумиры, изображающіе что-либо (23 ст.) Смыслъ определенія поставленнаго рядомъ очевидно тотъ, что если заповѣдь о кумирахъ не будетъ исполняться израильтянами, то Господь будетъ уничтожать ослушниковъ, какъ огонь уничтожаетъ вѣщи. Какъ сопоставить это съ культомъ Молоха, котораго обыкновенно изображали въ видѣ мѣдной статуи съ головою быка и туловищемъ человѣка, съ распростертыми руками для принятія жертвъ. Въ идолѣ, говорятъ, дѣлали 7 отверстій, въ которыя клались жертвы. Безъ сомненія никакимъ образомъ нельзя отождествлять идола, представлявшаго собою мѣдную печь для сожженія людей, съ Божествомъ, безусловно воспрещающимъ почитаніе и поставленіе такого идола. Весьма вѣроятно, что Молохъ по своему происхожденію стоитъ въ зависимости отъ Ваала. Но онъ возникъ не какъ разновидность возникаетъ изъ вида, а какъ изъ одного образа воображеніемъ создается другой-частію похожій и частію непохожій на первый. И Вааль поставлялся въ связи съ солнцемъ и съ иссушающимъ зноемъ. Тирскій Мелькартъ даже былъ закованъ въ цѣпи въ знакъ его зависимости отъ солнца. И Ваалу приносили человѣческія жертвы. Но въ образѣ Ваала были и другія благородныя и благодѣтельныя черты. Типъ восточныхъ деспотовъ, которые являлись въ Финикію и Палестину, съ востока, съ вера и юга и требовали жертвъ и даровъ, которые были кровожадны, жестоки и жадны, подсказывалъ имъ образъ бога-царя по типу этихъ земныхъ царей. Подавленная ужасомъ фантазія и модифицировала Ваала въ Молоха, поставила втораго рядомъ съ первымъ и такъ какъ этотъ второй былъ болѣе требователенъ и жестокъ, чѣмъ первый. ему стали служить заботливѣе и усерднѣе, чѣмъ первому.

Въ именахъ высшихъ боговъ Финикіи рѣзко подчеркивается, что они властительные владыки. Это значеніе заключается въ словахъ Вааль, Молохъ, его имѣетъ и Адонисъ (אדני—господинъ). Но образъ Адониса плохо отвѣчаетъ понятію восточнаго деспота. Адонисъ-юный, прекрасный богъ, онъ близко родствененъ съ вавилонскимъ Таммузомъ и фригійскимъ Аттисомъ. Сказанія о немъ и его культъ весьма родственны съ сказаніями объ Аттисѣ и Таммузѣ. Наибо-

лѣе культъ Адониса былъ развитъ въ Библосѣ и на Кипрѣ. Вотъ, какъ совершались (описываетъ Тиле) библосскія празднества въ честь Адониса (подробное, но спутанное описаніе у Лукіана). Когда весна-прекраснѣйшее время года-подходила къ концу, и начиналъ чувствоваться угнетающій лѣтній жаръ, въ Библосѣ совершалось празднество мрачнаго характера. Справлялся погребальнѣйшій праздникъ. На улицахъ и храмахъ раздавались печальныя пѣсни, слышался плачь, звучала похоронная флейта. Женщины съ распущенными волосами, а нѣкоторыя бритыя, нѣкоторыя съ израненною грудью, всѣ въ разорванныхъ одеждахъ съ видомъ ужаса, жрецы-галлы, евнухи одѣтые въ женское платье бродили по улицамъ, какъ будто отыскивая кого-то, собирались въ кругъ около выставленнаго катафалка. На этотъ катафалкъ долженъ былъ быть возложенъ трупъ, который изображала собою пестрая деревянная статуя. Эту статую сначала прятали, затѣмъ искали и, найдя, возлагали на катафаликъ. На трупѣ виднѣлась зіяющая рана, причинившая смерть. Рядомъ съ катафалкомъ помѣщалось изображеніе кабана, который согласно сказанію ранилъ смертельно на охотѣ юнаго бога. Погибшаго бога оплакивали въ теченіе многихъ дней съ выраженіями самой глубокой и живой скорби, потомъ совершали погребальныя жертвы и хоронили его тѣло. На солнцѣ выставляли вазы, называвшіяся садами Адониса. Въ нихъ были посажены маленькіе зеленые отрпыски растеній скоро погибавшіе отъ солнечнаго зноя. Эти растенія являлись символомъ юнаго бога, скошеннаго смертію въ его цвѣту, это былъ символъ краткосрочности всякаго существованія. Празднество представляло собою воспоминаніе гибели Адониса, котораго любила богиня плодородія и любви и котораго завистливый богъ мщенія, изображавшійся въ видѣ кабана, поразилъ на ливанскихъ горахъ. Въ концѣ года осенью (годъ начинался въ октябрѣ) снова совершалось празднество въ честь Адониса, но уже иного характера. Осенніе дожди, размывая горы и берега, сносили изъ ручьевъ и ключей и непосредственно въ Библосскую рѣку Адонисъ красноватую глину, отчего рѣка принимала красноватокровавую окраску. Въ этой окраскѣ видѣли указаніе на смерть бога, кровію котораго окрасилась рѣка. Въ теченіе семи дней справлялось похоронное торжество, но въ

восьмой трауръ и плачь уступали мѣсто необузданной радости. Говорили, что богъ воскресъ и вознесся на небо. Постъ предшествовавшихъ дней смѣнялся необузданнымъ разгуломъ. Женщины, которыя не посвящали своихъ волосъ божеству, отдавались иностранцамъ, дѣвушки должны были жертвовать своею честью для бога, и плата за эту священную проституцію шла въ храмовую казну. Какъ и въ другихъ божествахъ, о которыхъ существуютъ подобныя сказанія, въ Адонисѣ видятъ символъ производительной силы весенняго солнца и производимой имъ жизни. Исушающее лѣтнее солнце, смѣняющее весну, губить явившуюся во время ея жизнь. Молохъ губить Адониса. Злая сила торжествуетъ надъ доброю. Но это торжество-временно. Смерть не можетъ царствовать вѣчно. Круговоротъ времени снова приближается къ веснѣ. Адонисъ воскресаетъ и съ нимъ воскресаютъ жизнь и радости жизни. Миѣтъ объ Адонисѣ имѣетъ различные варианты, во многихъ аналогичныхъ сказаніяхъ господствуетъ версія оскотленія или самооскотленія бога. Миѣтъ объ Адонисѣ показываетъ, что у финикіянъ, какъ и у другихъ языческихъ народовъ, рядомъ съ богами существовали и богини. Какъ и въ другихъ религіяхъ, эти богини-двухъ родовъ. Однѣ представляютъ собою пассивную сторону своихъ боговъ-мужей, лишены самостоятельнаго характера и почитанія, другія выступаютъ предъ нами, какъ самостоятельныя и могучія владычицы, считаются съ которыми и заискивать у которыхъ приходилось болѣе, чѣмъ у многихъ боговъ. Пассивныя формы-Ваалтисъ, Ваалитъ, Мелькатъ, самыми своими именами ясно показывающія, что онѣ только женскія стороны Ваала и Молоха. Но когда къ Мелькатъ прибавляется опредѣленіе Хамамаимъ, и богиня является не просто царицею, но царицею небесъ, то здѣсь мы уже видимъ шагъ на пути къ образованію индивидуальности. То, что Вааль былъ въ сущности одинъ, не исключаетъ возможности того, что Ваалтисъ было много. Вѣрнѣе, ихъ блѣдныя, безжизненные образа никогда не достигали такой степени опредѣленности, чтобы различныхъ Ваалтисъ можно было отождествить или противопоставить одну другой. Самостоятельными женскими божествами въ Финикіи являются Ашера, Астарта и Танитъ. Ашера-богиня земной, половой производительности. Ея культъ въ Финикіи,

какъ и окрестныхъ странахъ, имѣлъ оргіастическій характеръ. Астарта или Астаретъ, представлявшаяся или дѣвою или матерью, всегда мыслилась, какъ божество неба, и противопологалась Ашерѣ, богинѣ земли. Въ ветхомъ Заветѣ нерѣдко говорится объ Астартахъ (Суд. X, 6; 1 Цар. VII, 3—4; XII, 10) и въ книгѣ Бытія (XIV, 5) упоминается Астаротъ-Карнаимъ (Аштеротъ-Карнаимъ по русскому тексту нашей Библии). Вслѣдствіе этого относительно Астарты дѣлаютъ тоже заключеніе, которое сдѣлали относительно Ваала, что Астартъ было много, и что Астарта-имя нарицательное. Но позволительно думать, что Астарта, какъ и Вааль, есть имя собственное. Библия, говорящая объ Астартахъ (и поставляющая ихъ всегда съ Ваалами), говоритъ намъ и просто о копищѣ Астарты (1 Цар. 31, 10), но не ставится капищъ богамъ вообще. Храмы воздвигаютъ богамъ опредѣленнымъ (афинскій жертвенникъ невѣдомому богу имѣеть свое особое объясненіе, Дѣян. XVII, 23). Астарта почиталась многими племенами, да и въ самой Финикіи, понятно, ея образъ могъ раздробиться на нѣсколько, но это не первоначальный а послѣдующій моментъ. Астарта представлялась или, какъ мать, или, какъ дѣва. Какъ богиня неба (4 Цар. XXIII, 4 сблизаетъ ее со всѣмъ воинствомъ небеснымъ), она представлялась то богиней луны, то богиней Венеры. Астарту преимущественно представляли, какъ жестокую богиню войны, которая, слѣдовательно, всегда готова жестоко мстить за городъ или народъ, которые ее почитали и которымъ она покровительствовала. Почитаніе этой суровой богини выражалось въ воздержаніи, самоистязаніяхъ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Въ Карфагенѣ великимъ почитаніемъ пользовалась богиня Танитъ. Въ сущности это таже Астарта. Танитъ называлась не супругой, но именемъ или лицомъ Ваала. Этимъ указывалось на ея дѣвственный характеръ. Она была *virginale numen* по преимуществу. Она изображалась съ головою коровы или съ рогами, между которыми помѣщалась полная луна. Стѣнообразная корона давалась богинѣ, какъ заступницѣ города.

Особенное положеніе въ системѣ финикійскихъ божествъ занимали Эшмунъ и кабирь. Слово кабиръ значитъ могущественный, ихъ называли кузнецами (П' ум, П' угм, отсюда пигмеи), образователями, великими. Ихъ представляли

образователями вселенной, строителями міра, создателями. Ихъ было семь, и они назывались сыновьями Седека (справедливаго, нѣкоторые полагають, что хеттѣйскій Сутехъ имѣеть тотъ же корень). Число семь очевидно соотвѣтствуетъ семи планетамъ древнихъ—Солнцу, Лунѣ, Меркурію, Венерѣ, Марсу, Юпитеру и Сатурну. Къ семи кабирамъ присоединялся Эшмунъ (буквально: восьмой)—богъ, который поставлялся въ ихъ главѣ. Точно также Тотъ въ Египтѣ представлялся надъ семью богами, устроителями міра. Астрономія древняго міра представляла, что надъ землею возвышается семь сферъ, въ каждой изъ которыхъ двигается особая планета, каждая изъ которыхъ есть, слѣдовательно, область одного изъ кабировъ. По этому типу небесныхъ сферъ строились земные храмы. Надъ этими семью видимыми сферами предполагали существованіе невидимой восьмой — области невидимаго бога космическаго огня, скрывающагося въ волнахъ небснаго океана. Имя этого бога Эшмунъ есть синонимъ бога высочайшаго. Нѣкоторые сближаютъ Эшмуна съ Ашимой гаматеевъ, котораго обыкновенно представляютъ въ видѣ козла, какъ символа огня и жизненной силы, но возможно предположеніе, что если Ашима и имѣеть отношеніе къ Эшмуну то только, какъ его видимое обнаруженіе. Главные храмы были воздвигнуты Эшмуну въ Аскалонѣ, Бейрутѣ, Сидонѣ и особенно замѣчательный былъ въ Кареагенѣ (на вершинѣ акрополя). Греки смѣшивали иногда Эшмуна съ своимъ богомъ врачевства Асклепиемъ. Вѣроятно, это происходило отъ того, что въ болѣзняхъ посѣщали его храмы и вопрошали его оракула. Культъ кабировъ широко распространился въ греко-римскомъ мірѣ, но это былъ культъ мистерій облеченный глубокою таинственностію, и классическіе писатели дѣлають о немъ лишь глухія и неясныя упоминанія.

За великими богами въ финикійскомъ пантеонѣ слѣдуютъ боги меньшіе. Какъ бы связующимъ звеномъ между первыми и вторыми является Таутъ. Въ представленіи нѣкоторыхъ классическихъ писателей онъ является величайшимъ изъ финикійскихъ божествъ (у Варрона, *De lingua lat.*, V, 10: *Principes dii coelum et terra, qui in Aegypto Serapis et Isis, Tautet et Astarte apud Phoenices*). Но собственно Таутъ игралъ ту же роль у финикіянь, какую Оаннесъ (Еа) у вавилонянь и

Тотъ у египтянъ,—роль культуртрегера. Ему приписывается редакція священныхъ книгъ, излагающихъ космогоническую систему, религіозное ученіе и принципы соціального устройства у финикіянъ. Эти книги, представлявшія собою божественный законъ, были олицетворены въ представленіи финикіянъ и почитались, какъ нѣкоторое божество Тура (законъ; еврейское-тора) и Кхусаретъ (гармонія). Божество это разсматривалось, какъ супруга Таута. На основаніи филологическаго сходства съ Таутомъ сближаютъ и кареагенскую Танитъ. По своимъ свойствамъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Таутъ приближается къ Эшмуну. Символомъ Таута была змѣя, свернувшаяся въ кругъ и держащая свой хвостъ во рту. Какъ богъ разума и знанія, Таутъ повидимому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ долженъ приближаться къ греческому Аполлону, но именемъ финикійскаго Аполлона обыкновенно называютъ Резефа, Решефа или Решефъ Микаля; бога по своимъ свойствамъ имѣющаго очень мало общаго съ Таутомъ. Повидимому онъ былъ солнечнымъ богомъ и богомъ войны (какъ богъ войны, онъ почитался въ Египтѣ, см. его египетское изображеніе у Perrot, Т. III р. 71). Культъ его былъ распространенъ на Кипрѣ (въ надписи найденной на Кипрѣ, въ новолуніе мѣсяца Этанима назначается для стражей святилища и для смотрителей храма Резефа 20..... чего? неизвѣстно: текстъ въ данномъ мѣстѣ испорченъ, но дѣло идетъ о жертвахъ и пожертвованіяхъ). Былъ у финикіянъ богъ Эль. Практически культъ его не былъ развитъ, но теоретически его надѣляли чертами верховнаго божества. Слово Эль есть семитическій корень для понятія божества, естественно поэтому, что Эль представляется возвышающимся надъ Элїонъ—божествами (у пророка Исаи въ XIV, 13 стихъ говорится о немъ буквально съ еврейскаго такъ: „взойду на небо, надъ звѣздами Эла вознесу престолъ мой, сдѣлаю себя равнымъ Элїонъ“). Финикійской и особенно кареагенской богиней (*δαίμων καρρηδορίων*) была Дидона, которая изъ божества была превращена въ историческую личность и съ такимъ характеромъ была увѣковѣчена Virgiliemъ въ его Энеидѣ. Иначе Дидона называлась Элиссой, она подобна Семирамидѣ (тоже игравшей роль въ финикійскихъ сказаніяхъ) и вавилонской Астартѣ. Ея отецъ Бель, ея сестра Анна имѣетъ черты Венеры, ея возлюбленный

Ярбасъ или Милихъ, ея братъ Пигмальонъ является тоже, какъ и вся ея родня, могущественнымъ божествомъ. Его имя значитъ убійца Эліонъ (𐤀𐤋𐤍𐤏𐤍), Дидона значитъ планета, Анна—прекрасная), онъ былъ чѣмъ то въ родѣ бога ада. Имѣлись у финикянъ и еще боги и богини (наприм., богини: Астроноія, Наама), все это маленькія копія съ великихъ Ваала и Астарты, около этихъ второ и третьестепенныхъ божествъ сплетались мифы, порою поднимавшіе ихъ до Эліонъ, но больше низводившіе ихъ до участія въ самыхъ обыденныхъ интригахъ самыхъ дюжинныхъ людей.

Но съ самой глубокой древности были въ Финикии боги иного рода — боги иноземнаго происхожденія. Финикияне были космополитами древняго міра. Финикійскіе купцы, какъ полагаемъ это извѣстно всѣмъ дѣйствительно культурнымъ людямъ, развозили по древнему міру не одни товары, но и знанія и культуру и привозили въ Финикию кромѣ денегъ идеи и наблюденія. Условія торговли въ древнемъ мірѣ благопріятствовали этому. У купцовъ тогда было много досуга. И на своихъ медленно двигавшихся корабляхъ и въ гаваняхъ въ ожиданіи благопріятнаго пути они должны были оставаться по долгу, кромѣ торговыхъ операцій имъ естественно представлялась возможность бесѣдовать и объ иныхъ вещахъ, выслушивать религіозныя и историческія сказанія народовъ, приглядываться къ ихъ обычаямъ и нравамъ. Ихъ прибывшихъ издалека должны были слушать съ жаднымъ любопытствомъ. Представимъ себѣ длинныя вечера южныхъ странъ, въ которые можно заниматься только бесѣдой, вечера, въ которые на открытомъ воздухѣ или въ домахъ при скудномъ освѣщеніи свѣтильниковъ древніе люди вели свои долгія бесѣды. Древніе люди были религіозны, и религіозныя сказанія должны были въ этихъ бесѣдахъ слѣдовать безъ перерыва одно за другимъ, какъ безостановочно воды Нила изливаются въ Средиземное море. Съ раннихъ поръ въ Финикию вмѣстѣ съ произведеніями чуждыхъ странъ проникли и чуждые боги. Съ пантеономъ Финикии эпохи Соломона, т. е. почти за тысячу лѣтъ до Р. Х. представляется намъ, не могъ бы поспорить ни одинъ современный музей религіозныхъ реликвій. Южными сосѣдями финикянъ были евреи. Колонисты изъ Финикии жили даже среди евреевъ. О финикійскомъ вліяніи на евреевъ

свидѣтельствуеъ вся Библія: сидонскіе и иные финикійскіе боги были предметомъ постояннаго увлеченія для евреевъ, но имѣются нѣкоторыя свидѣтельства, показывающія, что евреи вліяли на финикіянъ. Сохранилась стела воздвигнутая великой владычицѣ Библоса (=Гебала) однимъ библосскимъ царемъ (изображеніе см. у Perrot. p. 68) Владычица эта похожа и на туземную Астарту и разсматривается, какъ египетская Изида-Гаторъ. Но вотъ, что заслуживаетъ вниманія, царя, воздвигшаго стелу, зовутъ Йегова-мелекъ (Йегова—царь). Собственныя имена финикіянъ были теофорны, т. е. они заключали въ себѣ имена божествъ. Читлся ли Йегова, какъ богъ у финикіянъ? Позволительно думать, что на этотъ вопросъ должно дать положительный отвѣтъ. Другое дѣло, какъ представляли себѣ этого бога финикіяне? По всей вѣроятности различно. Многіе можетъ быть безъ особеннаго раздумья присоединяли его къ ряду иныхъ чтимыхъ ими боговъ. Но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что нѣкоторые должны были составлять себѣ то представленіе о Йеговѣ, которое исповѣдывали евреи. Для выясненія этого должны имѣть значеніе указанія классическихъ писателей о почитавшемся у финикіянъ божествѣ Іао. Санхоніатонъ называетъ Іао отцомъ Урана (неба). У Макробія Saturn. 1, 18 consultus Apollo Clarius, quis Deorum habendus sit, qui vocatur *Iaó* ita effatus est.

*Ὁρῴαμεν δεδαώτας ἐχθῆρ νηπενθέα κεύθεν
 Ἐν δ' ἀλάτῃ παύρῃ σύνεσις καὶ νοῦς ἀλαλαδνός
 Φραῖζεω τὸν πάντων ὑπἄτον θεὸν ἔμμεν' Ιαώ
 Χείματι μὲν τ' Αἰθήρ, Δία τειάρος ἀρχομένοιο
 Ἥέλιον δε θέρευς, μετοπώρου δ' αβρόν' Ιαώ.*

Плутархъ считаетъ имя *Iaó* имѣющимъ таинственное (ἀόρητον—неизрѣченное) значеніе подателя или производителя жизни. Нѣкоторые отождествляли *Iaó* съ *φῶς νοητόν* греческой теософіи (Іоанн. Лид, De mens. IV, 38, 74). *Iaó* давался эпитетъ Саваоѣ, но Моверсъ полагаетъ, что не סוּבַח . а סוּבַח , т. е. не богъ воинствъ, а богъ семи (планетъ). Едва ли однако это различіе существенно и еще болѣе сомнительно, чтобы значеніе слова Саваоѣ, принимаемое по производству Моверса, умаляло величіе *Iaó*: быть владыкою свѣтилъ и планетныхъ божествъ гораздо выше, чѣмъ только повелѣвать полчищами духовъ. Въ понятіи סוּבַח необхо-

димо уже по семитическому языческому богословію заключалось ПИСУ, но обратное не представляется необходимымъ. Очень можетъ быть, что филологически Іао и Іегова различнаго происхожденія, но звуковое сходство легко могло побудить тѣхъ, кто, познакомился съ еврейскимъ ученіемъ о Іеговѣ, перенести его черты на Іао. Говорятъ, что Іао былъ халдейскимъ богомъ, на мѣстѣ своей родины онъ могъ не имѣть тѣхъ чертъ, какія приобрѣлъ въ Финикіи.

Религіозное вліяніе Египта сказалось на Финикіи очень рано. Оно идетъ въ глубь вѣковъ далѣе тѣль-эль-амарнской эпохи. Необыкновенно широко былъ распространенъ въ финикійской метрополіи и ея колоніяхъ культъ Озириса. Миѣвъ объ Адонисѣ и его супругѣ Астартѣ переплелся съ миѣвомъ объ Изидѣ и Озирисѣ. И египетскій миѣвъ объ Озирисѣ говоритъ о Библосѣ, куда присталъ ящикъ съ тѣломъ Озириса, и финикійская легенда рассказываетъ, что египтяне въ день посвященный воспоминанію о смерти Озириса опускали въ море осмоленную карзинку, въ которую было заключено извѣстіе, что Озирисъ воскресъ. Карзинка приплывала въ Библосъ въ тотъ день, когда скорбь о смерти Адониса смѣнялась радостью, вслѣдствіе его воскресенія. Широко было развито почитаніе Пта. Въ финикійскихъ колоніяхъ находятъ массу его изображеній обыкновенно въ видѣ эмбриона. Въ Испаніи между финикійскими богами нашли Гарпократа, Гор-пе крути, Гора-дитя съ его чисто египетскимъ эпитетомъ Іатанъ гаіимъ, тотъ, кто подаетъ жизнь, Богъ-дитя, богъ-пигмей, это—образцы особенно любимые финикійскимъ искусствомъ. У финикіявъ не было способности къ идеализации, они не создавали образовъ идеальныхъ, но у нихъ была способность къ каррикатурѣ, и эта способность подмѣчать и подчеркивать дурное нашла себѣ приложеніе въ ихъ религіозной скульптурѣ. Пта-эмбрионъ, египетскій Бесъ (см. у Perrot, p. 420—421) и даже боги высшаго порядка находили для себя каррикатурное воплощеніе въ рукахъ финикійскихъ скульпторовъ.

Египетское вліяніе на финикійскую религію относятъ къ глубокой древности. Либлейнъ предполагаетъ его уже въ эпоху VI династіи, Тиле говоритъ, что при Априесѣ (Уахетпра, Хофра) финикійская религія была уже египтизирована, но какъ бы далеко и глубоко не сказывалось египетское

вліяніе и по приматству и по силѣ оно должно уступить мѣсто вліянію вавилонскому. Въ сущности здѣсь дѣло идетъ не о вліяніи, а о родствѣ. Родину финикіянъ Геродотъ указываетъ на берегахъ Эритрейскаго моря, т. е. въ южной Месопотаміи, иначе въ области прародины евреевъ и вавилонянъ. Также родственны финикіянамъ и божества хеттеевъ, религія которыхъ имѣла чисто семитическій характеръ. Бель, Риммонъ, Санданъ, Деркато, Аргатисъ, Ададь, Гададь, Гадъ, Соламбо, всѣ эти божества находятъ сочувственный пріютъ себѣ у финикіянъ. Несомнѣнно вліяли на нихъ въ религіозномъ отношеніи и ихъ южные сосѣди (не семитическаго происхожденія) филистимляне. Филонъ говоритъ о почитаніи у финикіянъ бога Дагона. Филонъ производитъ это имя отъ „дагаль“ жатва, но несомнѣнно это—фантастическая филологія. Дагонъ происходитъ отъ 𐤃𐤂—рыба (онъ можетъ быть примѣта множественнаго числа), это національное филистимское божество, о которомъ часто говоритъ Библія (I Цар. V, 2—5; Саф. 1, 9, Суд. XVI, 23 и слѣд. 1 Макк. X, 83—84), имѣло хвостъ и туловище рыбы, а верхнюю часть—голову и руки человѣческія. Греческое вліяніе сказалось на Финикію съ самаго начала историческаго существованія Греціи. У автора финикійскаго богословія Санхоніатона (жившаго едва ли позже V вѣка до Р. X.), уже встрѣчаются имена греческихъ божествъ Плутона и Прозерпины. Классическіе писатели находятъ у финикіянъ всѣхъ своихъ боговъ.

Во взаимоотношеніяхъ финикійскихъ божествъ нѣкоторые хотятъ видѣть и идею тройственности божества и теорію тріадъ. Моверсъ хочеть видѣть въ высшемъ божествѣ финикіянъ воплощеніе трехъ силъ производящей, разрушающей и сохраняющей, Адонисъ-богъ весенняго живительнаго солнца, сила производящая, убивающій его богъ Марсъ или Вааль-Гаммонъ, палящее солнце лѣта, Сатурнъ или Вааль-Хаванъ, зимнее солнце; въ пору зимы истощенныя силы природы накопляются постепенно для произведенія новой жизни. Указываютъ въ финикійской религіи тріады совершенно аналогичныя египетскимъ. Таковы-Вааль, Астарта и Мелькартъ (подобно: Озирисъ, Изиды и Горъ), другая тріада въ сѣверной Финикіи—Эль (Сатурнъ), Ваалтисъ (созвѣздіе рыбы) и Адонисъ.

Культъ духовъ, полидемонизмъ былъ развитъ менѣе у финикянъ, чѣмъ у вавилонянъ. Но за всѣмъ тѣмъ, какъ и во всѣхъ древнихъ религіяхъ, они почитали—и признавали не мало всевозможныхъ вышечеловѣческихъ существъ. Особенно въ ряду ихъ должно отмѣтить рефаимовъ. Рефаимы,—это маны финикянъ. Это—тѣни гигантовъ (Ис. XIV, 9; Иезек. XXXI, 16). Почитались животныя. Были голуби и рыбы посвященные Астартѣ. Почитались хвойныя (смолистыя) деревья и другія растенія. Почитались небесныя свѣтила. У Евсевія въ его Praeparat. evang. (lib. 1. 27) есть свидѣтельство *Φοίνικας καὶ Αἰγυπτίους πρώτους ἀπάντων κατέχει λόγος ἡλιου καὶ σελήτην καὶ ἀστέρας θεούς, ἀποφῆναι μόνους τε εἶναι τῆς τῶν ὄλων γενέσεως τε καὶ φθορᾶς αἰτίους*. На самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что халдеи предварили въ этомъ дѣлѣ и финикянъ и египтянъ. Но можетъ быть полярная звѣзда въ финикійскомъ культѣ имѣла особенное значеніе. Для земледѣлія и вообще для житейскихъ дѣлъ необходимы небесныя свѣтила, по нимъ измѣряется время, суточные и годовыя перемѣны. Лишь полярная звѣзда, остающаяся для каждаго даннаго мѣста на неизмѣнномъ пунктѣ неба, ненужна осѣдлымъ людямъ. Но она нужна морякамъ. По ея перемѣщенію на небѣ они могутъ опредѣлять свое положеніе на морѣ, Полярная звѣзда была финикійской звѣздой. Греки называли ее *Φοινίκη*. Условія мореплаванія требовали отъ финикянъ особаго вниманія и къ нѣкоторымъ созвѣздіямъ. Планеты имѣли и религіозное и магическое значеніе. Юпитеръ - планета большого, Венера - малаго счастья, Сатурнъ - большого и Марсъ-малаго несчастья. Меркурій назывался коварнымъ. Горы, скалы, источники имѣли своихъ духовъ, которые почитались, или вѣрнѣе почитались самыя горы и рѣки. Веэили (аэролиты), ашеры, неодушевленные предметы, случайно остановившіе на себя вниманіе и поставленные въ связь съ какими нибудь благопріятными или несчастными событіями, признавались заключающими въ себѣ сверхъестественную силу и пріобрѣтали религіозное почитаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.